

ОТЗЫВ
о диссертации Г. А. Молькова
«Лингвистическое и палеографическое исследование
древнерусской рукописи
Милятино евангелие (РНБ, Ф.п.1.7)»,
представленной на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Письменность – наиважнейший показатель становления и развития любой цивилизации, поэтому изучение письменных памятников относится к таким областям гуманитарного знания, которые сохраняют актуальность везде и всегда.

Однако в настоящее время, когда в нашей лингвистической науке обозначился явный перекося в сторону лексико-стилистических, когнитивных исследований в ущерб работам по истории фонетики, грамматики и письма, ценность и актуальность работ того типа, к которому относится рецензируемая диссертация Г. А. Молькова, стоит особенно подчеркнуть.

В диссертации впервые подвергнут всестороннему и притом очень тщательному анализу один из самых крупных, но при всём том малоизученных памятников древнерусской письменности старшего периода – Милятино евангелие из фонда Российской национальной библиотеки в Петербурге. «Целью данного исследования, – пишет диссертант, – является комплексное рассмотрение языка и письма Милятина евангелия, ориентированное, с одной стороны, на уточнение датировки рукописи и, с другой стороны, на введение в научный оборот и интерпретацию языковых фактов рукописи, значимых для реконструкции истории древнерусского языка древнейшего периода» (с. 15). Содержание диссертации позволяет с полной уверенностью заключить, что поставленная цель автором достигнута.

Во вводной части работы, кроме постановки целей, задач и определения объекта исследования, рассмотрена также проблема датировки избранного для исследования памятника, как она представлена в прежних работах о Милятинском евангелии. Проанализировав эти работы (в том числе и статью автора этого отзыва), диссертант приходит к обоснованному выводу, что первоначальную датировку рукописи 1215 годом надо считать окончательно устаревшей и что памятник написан, несомненно, в пределах XII столетия. В ходе дальнейшего изложения эта датировка существенно уточняется.

В главе 1 диссертант подробно рассматривает вопрос о палеографических особенностях памятника. Дается кодикологический обзор, выясняется состав писцов, причём состав этот по сравнению с

предыдущими исследованиями анализируется существенно точнее: кроме двух писцов, которым принадлежат значительные фрагменты текста, автор диссертации обстоятельно рассматривает почерки ещё трёх писцов (обозначая создателей памятника, в соответствии с объёмом текста, написанного каждым, буквами А, Б, В, Г и Д), приводит характеристики каждого почерка и палеографические таблицы (с. 32 – 35, 37 – 38).

Глава 2 содержит интересный анализ графико-орфографических особенностей писцов евангелия.

В первой части главы даётся анализ типов описок, пропусков части текста, вставок, замен букв.

Вторая часть посвящена собственно графико-орфографическим нормам, проявившимся у каждого из писцов. Диссертант рассматривает особенности употребления дублетных букв и тех, которые были в тот момент на пути к дублетности (Ѧ и Ѧ, Ѧ и Ѧ, Ѧ и Ѧ и др.), употребление гласных после шипящих и Ѡ, отражение рефлексов *dj, *-dj, *-gj, рефлексов *tert – *telt, *tьrt, рефлексы новгородского цоканья и ряд других особенностей правописания, также внося при этом значительные уточнения в данные предшествующих исследований. Отдельно анализируется орфография флексий творительного падежа единственного числа существительных мужского и среднего рода: колебания вида -омь // -ъмь, -емь / -ьмь в условиях древнерусского языка XII в. тоже стали своего рода дублетами. Анализ этого участка орфографической системы памятника обнаруживает дополнительные доказательства идентичности писца миней 1095 – 1097 гг. и писца А Милятина евангелия: «Спорадичность употребления графических дублетов в минеях, – заключает автор диссертации, – сводится до минимума в Милятином евангелии. Его Домка переписывал, уже обладая значительным опытом книжного письма, а, следовательно, овладев навыками книжной орфографии, культивирующей графические дублеты» (с. 116).

Далее аналогичный круг написаний столь же скрупулёзно рассматривается и на материале остальных писцов памятника.

Отдельная (3-я) глава работы посвящена отражению на письме редуцированных гласных. Это представляется вполне оправданным, поскольку судьба редуцированных в это время – один из центральных вопросов древнерусской фонетики, а следовательно, и орфографии. Критически оценив прежние исследования этой стороны письма памятника (в частности статью Е. Закшевского, в которой рассмотрение орфографии разных писцов не дифференцировано), автор диссертации проводит тщательный, дифференцированный по писцам анализ написаний Ѡ, Ѧ в корнях, суффиксах, предлогах, приставках и окончаниях, особо рассматривает случаи написания Ѡ, Ѧ

вместо ѣ, ѥ. Диссертант приходит к выводу, что ошибки писцов евангелия на употребление указанных букв «сопоставимы с данными отдельных древнерусских рукописей XI – первой половины XII в.» (с. 172).

4-я глава диссертации посвящена грамматическим особенностям текста Милятина евангелия.

Рассматривая специфику именного склонения в тексте исследуемого памятника, автор при анализе форм единственного числа сосредоточивает внимание на отражении форм дательного, творительного, местного, звательного падежей существительных мужского и среднего рода, т. е. на формах, переживающих в этот период наиболее значительные изменения. Особо рассматриваются инновации в склонении с праславянской основой на согласный. Автор отмечает значительную сохранность исконных форм, кроме местного падежа, в котором наблюдается более раннее воздействие других типов склонения. Анализируется, далее, взаимодействие твёрдой и мягкой разновидностей в тех типах склонения, в которых эти разновидности представлены. Автор отмечает, в частности, что несомненным является в Милятинском евангелии лишь один пример влияния мягкой разновидности на твёрдую. Переходя к анализу склонения существительных женского рода, автор описывает состояние склонений на **-er* и **-i*, отмечая и здесь преобладание традиционных форм и слабое проявление влияния мягкой разновидности. Переходя к формам множественного числа, автор отмечает неодинаковую вариативность в разных падежах и типах склонения. В общем и целом диссертант приходит к выводу, что «наблюдаемые в Милятинском евангелии инновационные формы субстантивного склонения, связанные с унификацией его типов, не выходят за рамки процессов, наблюдающихся в древнерусских памятниках XI – XII вв.» (с. 202).

В следующем разделе главы анализируется варьирование флексий прилагательных и причастий. При этом особо рассматривается вопрос о влиянии конца строки на нестяжённые и стяжённые формы. Надо сказать, что позиция конца строки учитывается как особая и в других местах работы (в том числе и в графо-орфографическом разделе), и это тоже одно из достоинств исследования: данный момент, как указывают некоторые современные авторы, не пользовался достаточным вниманием у прежних исследователей – см., напр., работу А. Б. Страхова (*Palaeoslavica*, 2006, vol. XIV) или статью автора этих строк (*Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, 2013, № 6). Рассматривая вопрос о статусе нестяжённых форм в Милятинском евангелии, диссертант отмечает, что «характер дистрибуции нестяжённых форм прилагательных позволяет... рассматривать их как новообразования писцов Милятина евангелия» (с. 219).

Далее в этой главе рассматриваются глагольные формы, прежде всего употребление нестяжённых форм имперфекта. Отмечено, что нестяжённые формы имперфекта закреплены за позицией конца строки, причём чаще встречаются во множественном числе (с. 221). Из других глагольных форм анализируются варианты с элементом **-ТЬ** в имперфекте, с элементом **-ТЬ /-ТЬ** в аористе. Отмечаются, далее, единичные случаи несогласованности глаголов по числу, смешения форм имперфекта и аориста. В целом и эта область морфологии памятника свидетельствует о ранней датировке памятника, поскольку «случаи вариативности отдельных глагольных форм в Милятином евангелии не выходят за рамки системы употреблений древнерусских памятников XI – первой половины XII в.» (с. 243).

Как и в палеографическом, в грамматическом разделе диссертации материал рассматривается отдельно по каждому из писцов, что, безусловно, делает собранные факты более конкретными и доказательными.

Кроме того, материал анализируемого памятника постоянно рассматривается на фоне других памятников соответствующей эпохи. Это важно в теоретическом плане, т. к. только такой подход способен вывести на объективную картину эволюции письменных текстов эпохи, на общее и специфическое в том или ином памятнике, у того или иного писца, на причины этой специфики и т. д.

В заключении диссертации, подводя итоги рассмотрению языковых и графико-орфографических особенностей Милятина евангелия, автор делает вывод, что это рассмотрение «позволяет конкретизировать его место в кругу древнейших восточнославянских рукописей» (с. 244). Думается, мнение автора о том, что «комплекс рассмотренных в работе лингвистических и палеографических особенностей почерков Милятина евангелия объединяет рукопись с древнерусскими памятниками XI – первой половины XII вв.» (с. 247), является вполне обоснованным.

Нельзя не отметить, что в тексте диссертации хорошо представлен фактический материал: изложение сопровождается большим количеством текстовых примеров, а также таблиц, наглядно выявляющих статистику различных вариантов начертания букв, передачи тех или иных фонетических явлений, различного представления писцами тех или иных грамматических форм различных частей речи и т. д.

Некоторые замечания. В 1-й главе стоило бы остановиться на рефлексах вторичного смягчения согласных в древнерусском. Конечно, при списывании со старославянского оригинала эти рефлексии не могли быть значительными, но всё же случаи написания йотированных знаков (в частности **ѣ**) после согласных заслуживают, как кажется, более пристального внимания. В итоговых рассуждениях

о графико-орфографической стороне памятника в целом хотелось бы видеть данные о соотношении традиционных и фонетических написаний и эволюции этого соотношения на фоне развития орфографической системы эпохи.

Может быть, стоит отметить и некоторые чисто технические недостатки, затрудняющие чтение текста диссертации. Это, во-первых, злоупотребление буквенными аббревиатурами. Для читателя всё-таки удобнее сокращения вида *твор.* или *местн. пад.*, чем вида *ТП* или *МП* (особенно рядом с постоянно употребляемым сокращением *МЕ* – «Милятино евангелие»), тем более что и сокращения предлагаемого вида тоже ведь употребляются в тексте. Кроме того, в оглавлении не отражены подразделы, помеченные четырьмя цифрами: 2.2.7.1 «Корни с плавным р» (с. 95) и 2.2.7.2 «Корни с плавным л» (с. 100). Кстати, лучше было бы написать «с плавным [r]» и, соответственно, «с плавным [l]», поскольку речь идёт о звуках (или же «Корни с буквами, обозначающими плавные»). И ещё о подразделах и разделах глав: было бы удобнее для читателя, если бы их заголовки оформлялись другим шрифтом, чем заголовки глав.

Сделанные частные замечания по содержанию работы, а тем более по техническим мелочам, конечно, не снижают высокой оценки общего уровня рецензируемого исследования.

Оценивая работу в целом, можно смело сказать, что автору удалось внести существенные уточнения как в теоретические подходы к анализу древнего письменного памятника, так и в практические приёмы его анализа, что позволило как исправить ошибки и неточности прежних исследователей, так и осуществить по-настоящему комплексное исследование одного из интересных рукописных памятников древнерусской письменности. Новизна результатов и их прекрасная обоснованность фактами не подлежат сомнению. Говоря о практическом значении диссертации, необходимо также отметить, что её результаты могут и должны быть учтены как в преподавании общего курса истории русского языка на филологических факультетах, так и в особенности при разработке спецкурсов по древнерусской фонетике, орфографии и морфологии для студентов филологического направления, да и спецкурсов палеографического характера для студентов-историков.

Основательное знакомство диссертанта с имеющейся литературой по рассматриваемой и смежным темам проявляется и в объёме библиографии: библиографический указатель (с. 249 – 262) охватывает 137 работ на русском и английском языках.

Работа снабжена приложением (с. 263 – 267), содержащим воспроизведение фрагментов исследуемого памятника, написанных разными его писцами.

Основное содержание диссертации отражено в опубликованных статьях.

Материалы диссертации апробированы на целом ряде международных научных конференций, состоявшихся в Петербурге и в Москве в 2013 – 2014 гг.

На основании всего сказанного несомненным представляется вывод о том, что диссертационная работа Г. А. Молькова «Лингвистическое и палеографическое исследование древнерусской рукописи Милятино евангелие (РНБ, Ф.п.1)» полностью отвечает всем требованиям, предъявляемым к квалификационным работам заявленного уровня и что её автор достоин присуждения ему учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Доктор филологических наук
Б. Осипов Б. И. ОСИПОВ,
профессор кафедры иностранных языков
Омского государственного университета
им. Ф. М. Достоевского.

25.12.2014.

Омск, 644077, пр. Мира,
ОмГУ им. Ф. М. Достоевского.
Тел. 8(3812)26.82.22.
<http://univer.omsk.su>.
e-mail: prof.ocun@gmail.com.

Подпись работника *Ковалева* Ковалева Б. И.
заверяю: Ученый секретарь Ученого совета
университета Ков Л.И.Ковалевская

